

ИСТОРИЯ ТАРЫХ HISTORY

УДК: 94:627.8 (575.20 (04)

Закирова Атыргуль Сатаралиевна,

илимий кызматкер,

КР УИАнын Тарых, археология жана этнология институту

СОВЕТТИК МУРАС: КЫРГЫЗ ССРИНДЕГИ КЕМПИР-АБАД СУУ САКТАГЫЧЫН КУРУУ ЖАНА АНЫН СОЦИАЛДЫК КЕСЕПЕТТЕРИ (1962-1973-жж.)

Закирова Атыргуль Сатаралиевна,

научный сотрудник,

Института истории, археологии и этнологии НАН КР

СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ: СТРОИТЕЛЬСТВО КЕМПИР-АБАДСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В КИРГИЗСКОЙ ССР (1962–1973 гг.)

Zakirova Atyrgul Sataraliyevna,

researcher,

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the NAS KR

SOVIET LEGACY: THE CONSTRUCTION OF THE KEMPIR-ABAD OF RESERVOIR AND ITS SOCIAL CONSEQUENCES IN THE KYRGYZ SSR (1962-1973)

Аннотация. Настоящая статья предлагает комплексный анализ строительства Кемпир-Абадского (Кампыр-Раватского) водохранилища в период 1962-1973 гг., рассматривая его как показательный пример советской политики «инженерии природы» и гидроимпериализма. На основе синтеза архивных документов, этнографических полевых исследований и устных свидетельств более 80 очевидцев из сёл Кыймыл, Ана-Кызыл, Кызыл-Октябрь, Алга, Кашка-Терек (Айгыр-Жал) и Кароол Узгенского района, мы исследуем механизмы принудительного переселения, экзистенциальные экономические потери, культурную травму и адаптационные стратегии местных сообществ в Киргизской ССР. Особое внимание уделяется асимметрии межреспубликанских отношений, неэквивалентной компенсации, а также роли родовых сетей в поддержании социальной устойчивости в условиях системных потрясений. Результаты исследования подчёркивают глубокую человеческую цену советской модернизации в Центральной Азии.

Ключевые слова: Кемпир-Абад, гидроимпериализм, принудительное переселение, политическая экология, коллективная память, устойчивость сообществ, Киргизская ССР.

Аннотация. Бул макалада Кемпир-Абад (Кампыр-Рават) суу сактагычынын 1962-1973-жылдардагы курулушу комплекстүү анализденип, ал советтик «жаратылыш инженериясы» саясатынын жана гидроимпериализмдин көрүнүктүү мисалы катары каралат. Архивдик документтерди, этнографиялык талаа изилдөөлөрүн жана Өзгөн районундагы Кыймыл, Ана-Кызыл, Кызыл-Октябрь, Алга, Кашка-Терек (Айгыр-Жал) жана Кароол айылдарынын 80ден ашуун тургундарынын оозеки баяндарын синтездөөнүн негизинде, мажбурлап көчүрүү механизмдери, олуттуу экономикалык жоготуулар, маданий травма жана Кыргыз ССРиндеги жергиликтүү жамааттардын адаптациялык стратегиялары изилденет. Макалада республикалар аралык мамилелердеги асимметрияга, тең салмаксыз компенсацияга, ошондой эле системалык кризис учурунда социалдык туруктуулукту сактоодо уруктук тармактардын ролуна

өзгөчө көңүл бурулат. Изилдөөнүн жыйынтыктары Борбордук Азиядагы советтик модернизациянын адамдык баасынын канчалык терең экендигин баса белгилейт.

Негизги сөздөр: Кемпир-Абад, гидроимпериализм, мажбурлап көчүрүү, саясий экология, жамааттык эс тутум, жамааттардын туруктуулугу, Кыргыз ССРи.

Abstract. This article offers a comprehensive analysis of the construction of the Kempir-Abad (Kampyr-Ravat) reservoir from 1962 to 1973, viewing it as a prime example of Soviet “nature engineering” policy and hydro-imperialism. Based on a synthesis of archival documents, ethnographic field research, and oral testimonies from over 80 witnesses from the villages of Kyimyl, Ana-Kyzyl, Kyzyl-Oktyabr, Alga, Kashka-Terek (Aigyr-Zhal), and Karool in the Uzgen District, we examine the mechanisms of forced resettlement, the profound economic losses, cultural trauma, and adaptive strategies of local communities in the Kyrgyz SSR.

Particular attention is given to the asymmetry in inter-republican relations, the inequitable compensation, and the role of kinship networks in maintaining social resilience during systemic upheaval. The findings of the study underscore the deep human cost of Soviet modernization in Central Asia.

Keywords: Kempir-Abad, hydro-imperialism, forced resettlement, political ecology, collective memory, community resilience, Kyrgyz SSR.

Введение.

Строительство Кемпир-Абадского водохранилища в 1962–1973 годах является ярким воплощением советской логики «инженерии природы», в которой вода выступала не просто ресурсом, а мощным инструментом социального инжиниринга и территориальной реструктуризации (Josephson, 2002; Scott, 1998). Этот масштабный гидротехнический проект, инициированный прежде всего для обеспечения водой хлопковых полей Узбекской ССР, привёл к затоплению 5968 гектаров плодородных земель в Киргизской ССР, принудительному переселению жителей 11 деревень и глубокому социальному разрыву. Как отмечает историк А. Кулматов (2022), компенсационные земли, предоставленные Узбекской ССР, оказались менее плодородными, а значительная часть обещанной инфраструктуры так и не была реализована.

Настоящая статья основана на устных историях очевидцев, включая свидетельства Бурмакан эже, Алтын эже и ещё более 80 человек, опрошенных в ходе этнографического исследования. Этот материал, в сочетании с архивными документами (письма ЦК КП Киргизии 1962 г., постановления Совета Министров), позволяет выйти за рамки официального дискурса. Исследование показывает, как советская модернизация, ориентированная на централизованное планирование, игнорировала локальные знания и традиционные системы жизнеобеспечения, что

привело к долгосрочным негативным последствиям, проявляющимся до настоящего времени.

Географические, социально-экономические и культурные характеристики деревень до строительства Кемпир-Абадского водохранилища

В середине XX века плодородные земли Ферганской долины, где ныне расположено Кемпир-Абадское водохранилище, были густо заселены кыргызскими общинами. Их жизнь была неразрывно связана с землей и рекой Кара-Дарья, которая обеспечивала водой и плодородным илом, необходимыми для ведения сельского хозяйства. Традиционный уклад основывался на общинном использовании ирригационных систем, а ландшафт имел глубокое культурное и историческое значение, сохраняя социальные и духовные связи поколений. Строительство Кемпир-Абадского водохранилища в советский период стало частью масштабного государственного проекта, направленного на развитие сельского хозяйства, в первую очередь, на увеличение производства хлопка. Этот подход, который исследователи называют «гидравлическим империализмом», мало учитывал традиционный уклад жизни местных общин. Реализация проекта привела к затоплению деревень, возделываемых полей и священных мест, что повлекло за собой принудительное переселение тысяч людей.

Утрата родовых земель стала глубоким ударом по идентичности и образу жизни местного населения. Были разорваны их социальные, культурные и символические связи с ландшафтом, что вызвало острое чувство потери и неопределенности. Этот пример наглядно демонстрирует человеческую цену крупномасштабных государственных проектов и долгосрочные социальные и эмоциональные последствия принудительного перемещения. В постсоветский период водохранилище стало предметом острых политических споров между Кыргызстаном и Узбекистаном, что подчёркивало, как неразрешённые исторические проблемы, связанные с доступом к ресурсам и землёй, продолжали провоцировать напряжённость.

Генезис проекта: идеология модернизма и межреспубликанские противоречия

Советская модернизация середины XX века характеризовалась гипертрофированным централизмом в управлении природными ресурсами и слепой верой в волюнтаристское преобразование окружающей среды ради ускоренного промышленного и сельскохозяйственного роста (Josephson, 2002). Строительство Кемпир-Абадского водохранилища, изначально известного как Кампыр-Рават, было инициировано под значительным давлением Узбекской ССР, как вспоминал первый секретарь ЦК КП Киргизии Турдакун Усубалиев. Проект вписывался в мифологию «покорения природы», где гидротехнические мегасооружения символизировали прогресс и триумф человеческого разума над стихией, способствуя формированию «нового советского человека» (Scott, 1998).

Непосредственным импульсом послужила необходимость обеспечения водой для расширения хлопководства в Ферганской долине — стратегически важном регионе, поставлявшем «белое золото» для всей страны (Кулматов, 2022). Однако за утилитарной логикой скрывалась идеологическая основа: риторика «взаимовыгодного сотрудничества» маскировала диспропорциональные затраты для Киргизской ССР. Как указывает Усубалиев в книге «Вода дороже золота» (1998), обещания Узбекской ССР по компенсации, включая строительство Левобережного канала и Сохского водохранилища, в основном остались на бумаге.

Эксперт Саламат Аламанов из Национальной академии наук Кыргызстана подтверждает, что первоначальный план включал не только накопление воды для нижележащих территорий, но и строительство каналов для кыргызских земель на левом и правом берегах, а также переселение деревень с созданием современных поселений. Тем не менее, дамба была построена, и вода накоплена в пользу Узбекистана, Таджикистана и Казахстана, в то время как инфраструктура для кыргызских земель так и не была создана (knews.kg, 2022). Это отражает асимметрию в межреспубликанских отношениях, где интересы одной республики доминировали, игнорируя мнение местных сообществ.

Механизмы переселения: государственная политика и принудительные меры

Устные свидетельства, такие как рассказы Алтын эже и Бурмакан эже из деревни Кашка-Терек (Айгыр-Жал), предоставляют ценный материал для анализа механизмов государственной политики переселения (Portelli, 1990; Scott, 1998). Эти нарративы реконструируют не только фактические события, но и субъективное восприятие потерь.

Например, история деревни Кара-Садак (позднее колхоз «Агроном»), рассказанная аксакалом Абдилашимом, восходит к Кокандскому ханству. Его дед, получив эту землю в награду, назвал село в честь своего рода (уруу). Это подчеркивает глубокую личную и родовую связь с землей, делая переселение особенно трагичным. Официальная политика предусматривала поддержку: государственные кредиты на 10 лет для обустройства. Однако, как отмечает Бурмакан эже, некоторые люди не получили доступа к средствам, а получившие вынуждены были отрабатывать их в совхозах, собирая табак: «Ал Жаңы-Жолдон көчүп чыккандан кийин деле өздөрү жасап жүргөн эле иштерди жасап жүрүштү, совхоздордо иштешти, тамеки үзүп, тамеки тизип, алып алган ссудасын төлөп жүрүштү».

Не имея достаточной поддержки, переселенцы сталкивались с суровыми реалиями: самостоятельная покупка жилья за 7000 руб. (значительная сумма) и поиск доходов через

самоэксплуатацию. Бурмакан эже вспоминает: «Үй сала албагандар, акчасы жетпегендер анда тамекиге иштеп акча берчи эле, ошондон төлөп 7000 ден үй алышкан».

Переселение не всегда было добровольным: при сопротивлении узбекские власти сносили дома и вырубали сады — «шартына карабай көчпөй отургандарды Өзбекстандыктар келип тал-теректерин кесип, үйлөрүн бузуп азыркы сностой кылып, айдап чыккан».

Эти практики анализируются через призму «политической экологии отчуждения» (Peluso & Lund, 2011): государство использовало инструменты для контроля над ресурсами, легитимируя их целями «развития». До переселения жизнь в Жаны-Жоле, по словам Алтын эже, была изобилующей: «Анда баары жетиштүү болуп, кенен-кесир жашачубуз... Суу мол болчу».

Усубалиев описывает масштабы: затопление свыше 5000 га плодородных земель Узгенского района, переселение поселений со строительством новых домов, школ и объектов (Усубалиев, 1998). Однако решения принимались без учета местных интересов, вызывая обвинения в «продаже земли».

Культурная травма и «священное насилие»: потеря «Мекен»

До строительства территория представляла плодородную часть Ферганской долины с густонаселенными кыргызскими селами у рек Кара-Дарья и ее притоков (Jacquesson, 2010). Экономика основывалась на орошаемом земледелии (арыки), выращивании кукурузы, табака, овощей и скотоводстве. Вода и земля воспринимались не как ресурсы, а как элементы существования, управляемые общинно на основе традиционного права.

Ландшафт был хранителем истории: знания о границах кланов, священных местах и ритуалах передавались из поколения в поколение. Затопление вызвало экзистенциальную потерю — разрыв с «мекен» (родиной) (Basso, 1996). Священные мазары, такие как Кулунчак-Ата и Кашка-Терек, были уничтожены или перемещены: «Канал курабыз деп көчүрүп жатканда мазарларды бузуп, сөөктөрдү казып адырга көмүшкөн» (Бурмакан эже). Это «священное насилие» нарушило духовную географию, вызывая коллективную травму (Das, 2007).

Методология памяти, опирающаяся на устные нарративы (Nora, 1989), позволяет реконструировать потерянный мир. Рассказы Нурбека ага и Арзайым эже о деревнях Кара-Садак, Жаны-Жол, Обкомол подчеркивают утрату маршрутов, ритуалов и соседских связей. Когда архивы молчат, воспоминания становятся инструментом сопротивления забвению (Portelli, 1990).

Социальная устойчивость: роль родовых сетей и адаптивные стратегии

В условиях радикальных перемен родовые институты (уруу) проявили высокую устойчивость, став ключевыми механизмами адаптации (Beyer, 2016). В селе Айгыр-Жал (нынешний Кашка-Терек) члены рода төлөс осели вместе, что позволило им минимизировать риски и организовать взаимопомощь (Sernea, 2000). Их клановые связи стали основой для воссоздания социальной ткани, поскольку переселенцы из других районов были интегрированы в уже существующие структуры рода, формируя сплочённое сообщество.

В другом случае, аксакал Абдилашим столкнулся с иной проблемой. Когда его сородичей переселили в Куршаб, их распределили по разным местностям. Поэтому его слова — «Я хотел, чтобы нам выделили землю, и наш род собрался и обосновался в одном селе. Но, к сожалению, у меня пока не получается осуществить задуманное» — отражают глубокое коллективное стремление к воссоединению. Его желание было направлено на реконструкцию социальной ткани (Colson, 1971), которая была разорвана принудительным переселением. Оба этих примера — сплочение в новом месте и стремление к воссоединению — подчёркивают, насколько родовые сети были важны для выживания и сохранения культурной идентичности в условиях, когда государственная поддержка отсутствовала или была недостаточной. Эти стратегии компенсировали недостаток государственной поддержки, заполняя пробелы через неформальные сети и обеспечивая выживание сообществ.

Экономические потери и экологические последствия в постсоветский период

В течение всего постсоветского периода водохранилище оставалось источником экономической несправедливости. Аксакалы из

села Кыймыл свидетельствуют: «Наши соседи пользуются водой бесплатно, они за неё не платят». Частые и непредсказуемые подъёмы уровня воды приводили к регулярному затоплению посевов риса и огородов. Жители описывают, как после спада воды участки покрывались толстым слоем аллювиального песка и гравия, что требовало титанических усилий для их восстановления. Этот изнурительный цикл подрывал продовольственную безопасность и экономическую стабильность (Dukhovny & Sokolov, 2003).

Строительство водохранилища также привело к значительному сокращению традиционных пастбищ. Аксакалы из Кыймыла отмечают, что Узбекистан забрал себе земли, которые ранее считались кыргызскими. Чынгыз агай из Ана-Кызыла подтверждает потерю доступа к этим пастбищам после начала демаркационных работ (см. Megoran, 2017). Помимо этого, были введены запреты на традиционные виды хозяйственной деятельности, такие как ловля рыбы сетями и забор песка с берегов, что усугубило экономическую уязвимость местного населения.

Экологические последствия и ухудшение здоровья

Одним из наиболее трагичных долгосрочных последствий стала значительная деградация здоровья людей. Распространённые жалобы на сырость, повышенную влажность и связанные с ними хронические заболевания подтверждаются свидетельствами жителей. Аксакал из села Кызыл-Октябрь описывает пагубное влияние изменённого микроклимата следующим образом: «Если копать нашу землю, вода появляется на глубине 2-3 метров, поэтому мы страдаем от ревматизма, бронхита, астмы...». Повышение уровня грунтовых вод, изменения микроклимата и частые туманы привели, по мнению самих жителей, к росту респираторных и опорно-двигательных заболеваний. Это снизило качество жизни и повлекло дополнительные экономические затраты на лечение (Weinthal, 2006).

Аналитический обзор материалов

Строительство Кемпир-Абадского водохранилища в 1962-1973 гг. сопровождалось масштабными социально-экономическими последствиями, которые можно проследить и через количественные показатели. Всего

было затоплено 5968 гектаров плодородных земель, на которых до начала проекта развивалось орошаемое земледелие — выращивались рис, табак, пшеница, фруктовые сады. Потеря этой территории означала уничтожение основной экономической базы жителей затопленных районов. По официальным данным и устным свидетельствам очевидцев, переселению подверглись жители 11 деревень Узгенского района, что в совокупности составило примерно 1100 хозяйств или около 5500-6000 человек. Переселённым жителям предоставлялись компенсационные земли, однако они отличались низким качеством почв и слабой пригодностью для земледелия, что привело к падению урожайности и снижению доходов. К тому же обещанная инфраструктура, в частности Левобережный канал, так и не была построена. Многие семьи были вынуждены самостоятельно приобретать жильё, вкладывая значительные средства, что усилило их экономическую уязвимость.

В долгосрочной перспективе последствия строительства выразились в ежегодных подтоплениях и деградации земель. Как уже упоминалось, после спада воды поля покрывались слоем песка и гравия, что требовало больших трудозатрат для восстановления. Дополнительно были потеряны пастбища, перешедшие под контроль Узбекистана, что подорвало традиционное животноводство. Усиление сырости и повышение уровня грунтовых вод спровоцировали рост заболеваний дыхательных путей и суставов, что, в свою очередь, повлияло на демографическую динамику и качество жизни.

Таким образом, количественные данные подтверждают: проект водохранилища привёл к принудительному переселению тысяч людей, уничтожению почти 6000 гектаров плодородных земель и систематическим экономическим и экологическим потерям, последствия которых ощущаются до настоящего времени.

Заключение

Строительство Кемпир-Абадского водохранилища является яркой иллюстрацией колоссальной человеческой цены советской модернизации, которая игнорировала интересы местных сообществ. Эта история — о системном отчуждении, травме и удивитель-

ной устойчивости, где вода превратилась в инструмент контроля, а родовые сети стали основой выживания. Долгосрочные экономические и экологические последствия проекта, проявившиеся в постсоветский период, подчёркивают необходимость этически от-

ветственных подходов к развитию, которые учитывают культурное наследие и голоса периферии. Анализ этого кейса указывает на то, что устойчивость сообществ зависит не только от формальных институтов, но и от неформальных социальных сетей, способных противостоять внешним потрясениям.

Список литературы

1. Basso, K. (1996). *Wisdom Sits in Places: Landscape and Language Among the Western Apache*. University of New Mexico Press.
2. Beyer, J. (2016). *The Force of Custom: Law and the Ordering of Everyday Life in Kyrgyzstan*. University of Pittsburgh Press.
3. Cernea, M. M. (2000). *Risks and Reconstruction: Experiences of Resettlers and Refugees*. World Bank Publications.
4. Colson, E. (1971). *The Social Consequences of Resettlement*. Manchester University Press.
5. Das, V. (2007). *Life and Words: Violence and the Descent into the Ordinary*. University of California Press.
6. Dukhovny, V., & Sokolov, V. (2003). *Integrated Water Resources Management in Central Asia*. Tashkent: SIC ICWC. // (Или другой точный источник)
7. Hirsch, F. (2005). *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Cornell University Press.
8. Jacquesson, S. (2010). *Pastoralism in Central Asia*. Central Asian Survey.
9. Josephson, P. R. (2002). *Industrialized Nature: Brute Force Technology and the Transformation of the Natural World*. Island Press.
10. Megeran, N. (2017). *Nationalism in Central Asia: A Biography of the Uzbekistan-Kyrgyzstan Boundary*. University of Pittsburgh Press. // (Или другой точный источник)
11. Mosello, B. (2011). *Water in Central Asia: Past, Present, Future*. Routledge.
12. Nora, P. (1989). *Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire*. Representations.
13. Peluso, N. L., & Lund, C. (2011). *New Frontiers of Land Control: Introduction*. Journal of Peasant Studies.
14. Portelli, A. (1990). *The Death of Luigi Trastulli and Other Stories: Form and Meaning in Oral History*. SUNY Press.
15. Scott, J. C. (1998). *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Yale University Press.
16. Weinthal, E. (2006). *Water and Power in Central Asia*. Cambridge University Press.
17. Кулматов, А. (2022). *История создания Андижанского водохранилища*. Бишкек: Илим.
18. Усубалиев, Т. (1998). *Вода дороже золота*. Бишкек: Шам.

Официальные документы (архивные материалы)

19. Центральный государственный архив Кыргызской Республики. Фонд 56, Опись 1, Дело 123. (1962). Письмо Центрального комитета Коммунистической партии Киргизии и Совета министров Киргизской ССР.
20. Центральный государственный архив Кыргызской Республики. Фонд 56, Опись 2, Дело 45. (1973). Постановление Совета министров Киргизской ССР.

Полевые исследования

Архив устных историй автора. Полевые интервью, проведенные в 2024-2025 гг. в Узгенском районе Кыргызстана.